

© Холина М.В.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. Решение «женского вопроса» в 1920-е гг. осуществлялось в интересах государства, решающего задачи экономической модернизации страны. Для трудовой и политической мобилизации женщин, превращения их в общественниц были использованы женотделы и делегатские собрания. Несмотря на усилия власти, направленные на высвобождение женщины от «домашнего рабства», традиционные представления о ней как о матери, жене и хозяйке дома не были вытеснены из повседневной жизни.

Ключевые слова: повседневность, делегатские собрания, женотделы, женское движение.

© M. Kholina

THE CHANGES IN WOMEN'S DAILY LIFE IN THE 1920S (CONCERNING SMALL TOWNS IN KRASNOYARSKY KRAI)

Abstract. The solution of "women's problems" in 1920s was fulfilled in favour of the state, accomplishing a task of economic modernization of the country. With the aim of women's working and political mobilization, women organizations and meetings of delegates were created. Although the efforts of the Soviet regime to free a woman from doing the house-work were made, the traditional image of a woman as a mother, wife and mistress remained in daily life.

Key words: daily occurrence, the meetings of the delegates, women organizations, women movement.

Для периода 1920-х гг. характерно повышенное внимание советской власти, партийных и государственных деятелей к проецированию образа «нового» человека, в том числе и «новой» женщины, в общественное сознание. Образы «новой» женщины были наделены специфическими «советскими» чертами, которые в большинстве своем не совпадали с дореволюционными образами. Женщина-общественница, труженица, посещающая библиотеки, избы-читальни, школы ликбеза, противопоставлялась суеверной, религиозной, безграмотной и некультурной домохозяйке недавнего прошлого. Обеспечение юридического равенства женщины с мужчиной, широкое привлечение ее к общественному труду, участие в управлении обществом и государством, обобществление домашнего хозяйства в условиях социалистической революции – вот основные задачи, которые ставила для себя власть в решении «женского вопроса».

В первой половине 1920-х гг. главным в содержании политики советской власти в отношении женщин было предоставление им всей полноты прав. Решение «женского вопроса» «сверху» было подчинено логике интересов государства, которому для проведения экономической модернизации страны были нужны женские руки. Для того чтобы привести женщину на производство и заставить заниматься общественными работами, ее нужно было высвободить из семьи. Таким образом, предоставление равных с мужчинами прав, в первую очередь, посягало на сложившийся в обществе стереотип женщины, которая вела хозяйство, занималась воспитанием детей и при этом сидела дома. «Новая» женщина должна была овладеть грамотой, элементарными нормами гигиены, освоить

новые формы досуга. В целях превращения женщины в общественницу властью были использованы такие формы активности, как женотделы и делегатские собрания. Женотделы (отделы по работе среди женщин) в партийную структуру РКП(б) были введены в 1919 г. и действовали вплоть до 1930 г., т. е. примерно до того момента, как была выполнена возложенная на них задача – «высвобождение», «вырывание» женщины из семьи для использования в качестве дешевой рабочей силы.

На территории Енисейской губернии деятельность по организации женского движения стала осуществляться по мере завершения Гражданской войны. В 1920 г. в городах губернии были инициированы общие собрания женщин, причем не только работающих и служащих, но и домохозяек. Так, в октябре 1920 г. в Ачинске состоялось общее собрание домохозяек города. Однако в связи с малочисленностью собравшихся (22 чел.) было проведено только собеседование на тему «Капиталистический строй и положение женщины-работницы». Чуть более многочисленным оказалось общегородское делегатское собрание женщин Минусинска, состоявшееся 27 февраля 1921 г. – его посетили 25 чел¹.

Среди причин столь слабой активности женщин одной из основных видится тяжелое положение, в котором находилась губерния после революционных потрясений и Гражданской войны. Речь шла о выживании населения в условиях разрухи, постоянной опасности, исходящей как от антибольшевистских банд, разгуливающих по уездам губернии, так и от новой власти, атакующей деревню и город prodразверсткой и чрезвычайными мерами. Города находились в запущенном, загрязненном состоянии. «На улицах много непохороненных трупов – жертв эпидемии тифа», – сообщали из Ачинска². Секретные сообщения, направляемые в Губисполком, свидетельствовали о подавленном настроении крестьян и враждебном отношении жителей городов и уездов к советской власти. Свидетельством беспросветной жизни населения является изъятое властями письмо крестьянина из Минусинска А.Я. Пашко, отправленное сыну в армию в Ставрополье 23 декабря 1920 г.: «Да, сынок, твоя свобода подведет тебя. У нас коров забрали. И сейчас забирают пилы, топоры, колуны, наковальни, наверное, будем все, все свободны, так что нечего будет и в рот положить. Придешь домой – ничего не найдешь. Здесь все люди ходят голые и босые, все это по случаю свободы. Старый режим на печке лежит, а новый в тюрьме сидит»³. Подобные действия властей вызвали возмущение населения. Осуждались все распоряжения как центральной, так и местной власти (будь то о выполнении гужевой, лесозаготовительной повинности или о продналоге). «Население к комячейкам поголовно питает недоверие и в лучшем случае безразличие, такое же отношение и к РКП(б)», – сообщалось в информационной сводке из Канска в январе 1922 г.⁴

В условиях недоверия народа к власти трудно и практически невозможно было реализовывать намеченные планы по вовлечению женщин в общественную работу, в социалистическое строительство. Женщины, скорее на инстинктивном уровне, ставили во главу угла проблему выживания своих детей и своей семьи. Таким образом, говорить о развитии массового женского движения в городах губернии в начале 1920-х гг. можно только достаточно условно. Зимой 1922 г. красноярский женотдел докладывал в Губком РКП(б) о невозможности проведения какой-либо организационной работы среди женщин: «Как в уезде появились продотряды и выездные сессии, начались суды и конфис-

¹ Архивное агентство администрации Красноярского края (далее – АААКК). Ф. п-6. Оп. 1. Д. 1059. Л. 20; Ф. п-7. Оп. 1. Д. 367. Л. 4.

² АААКК. Ф. п-93. Оп.1. Д. 48. Л. 5.

³ АААКК. Ф. п-49. Оп.2 с. Д. 41. Л. 19.

⁴ АААКК. Ф. п-49. Оп.2 с. Д. 43. Л. 18.

кации, настроение сразу изменилось, конечно, в худшую сторону. На партийных стали смотреть как на каких-то грабителей или еще того хуже. Это было заметно на уездной конференции беспартийных женщин, которые говорили, что «советская власть нам не нужна, а коммунистов не надо потому, что они у нас все отбирают. Мы голодные и вашими собраниями сыты не будем»¹. Однако сверху сыпались циркуляры и распоряжения, подобные этому: «Всем Обкомам и Губкомам РКП. Необходимость усиления воздействия на трудящихся. Большое значение в этом отношении имеют делегатские собрания работников. Институт делегатских собраний дает возможность партии осуществлять свое влияние не только на женский пролетариат, но и на те слои трудящихся, которые по целому ряду причин находятся вне нашей агитации и пропаганды. Очередная задача партии – повсеместная, правильная и одновременная постановка делегатских собраний работников. Секретарь ЦК РКП(б) Куйбышев»².

Постепенно деятельность женотделов по формированию активного социального поведения женщин, включению их в производственную сферу и общественную жизнь давала свои результаты. Уездные женотделы на коллегиях решали вопросы, связанные с бедственным положением детских домов, тяжелым медико-санитарным положением в городах и т. п. Безусловно, женотделы не могли решить главную проблему – недостаток средств. Реальная помощь в этом случае чаще всего заключалась в будировании данных вопросов на заседаниях укомов, которые зачастую упускали из виду «детские» и «материнские» проблемы. Именно женщины специальным распоряжением властей «Об участии женщин-работниц в деле борьбы с тифозной эпидемией» были брошены властью на самый трудный фронт работы в мирное время. Помимо борьбы с опасными эпидемиями, женщины организовывали вечеринки для пошива белья и одежды в помощь голодающим детдомам, организовывали прачечные артели, устраивали вечера чтения революционной беллетристики, проводили беседы³.

Женотделы, изначально созданные как элемент партийной структуры (организовывались при парткомах всех уровней), были подвержены жесткому контролю со стороны вышестоящих органов. 26 декабря 1922 г. по указанию Сибженотдела всем Уженотделам Укомов РКП(б) было дано распоряжение предоставлять ежемесячные отчеты о своей деятельности. Отчеты направлялись в Губженотдел в трех экземплярах, один из которых посылался в Сибженотдел, другой в Центральный Отдел Работниц⁴. Сохранившиеся в архивах отчеты, направленные в адрес Губженотдела, свидетельствуют об огромной работе, проводимой женотделами в городах. Порядок отчетности женотделов постепенно усложнялся. В 1923-1924 гг. уже существовала схема для ежемесячных отчетов о работе женорганизаторов, включавшая более 20 пунктов. Губженотдел напоминал своим подчиненным на местах: «Всем Укомам и Волкомам (волостным комитетам)! Высылайте, дорогие товарищи, все протоколы и отчеты по работе среди женщин, протоколы обязательно всех делегатских собраний и конференций, мы учитываем работу по протоколам и отчетам»⁵. Если учесть, что только делегатские собрания проводились еженедельно (при средней посещаемости 25-30 чел.), а помимо этого созывались еще и еженедельные общие собрания городских женщин, то просто невозможно себе представить объемы переписки и бумажной волокиты, которой были загружены активистки женского движения.

¹ АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

² АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

³ АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 167. Л. 22.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 386. Л. 3-3об.

⁴ АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 8.

⁵ АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 55.

К решению «женского вопроса» были подключены и профсоюзы. Например, в профсоюзах Канска в декабре 1922 г. состояло 193 женщины (в т. ч. Союзы всемедикосантруда, пищевиков, работников просвещения, Коммунальщиков и др.). Однако, несмотря на широкую агитацию и призывы включаться в общественную работу, женщины из профсоюзов в прошедшей в городе Неделе красноармейца приняли достаточно пассивное участие. В пошиве матрацев для красноармейцев участвовали всего 8 чел., в т. ч. 6 коммунисток и 2 беспартийных женщины. По представительству женщин самыми многочисленными были Союзы работников просвещения (70 чел.) и Всемедикосантруда (40 чел.). Но в партийных комитетах этих учреждений женщины были представлены единично, а в целом по всем партийкам городских предприятий на учете состояли всего 6 женщин¹.

В этой ситуации вполне обоснованно прозвучали в феврале 1923 г. призывы женотделов избирать на все съезды и конференции не только мужчин, но и женщин: «Это ненормально. Необходимо наравне с мужчинами избирать также и женщин. Последние в полной мере должны принимать участие в советском строительстве. Права женщин нужно осуществлять на деле»². В целях «вовлечения делегатов в советскую работу и общения им практических навыков в ней» в городах использовались секции горсоветов. Делегатки разбивались по различным секциям, где работали с членами Советов. При городских делегатских собраниях организовывались профессиональные и кооперативные секции, работающие по определенной программе (например, секция народного образования, здравоохранения, коммунальная и т. д.).

Несмотря на изначально широко заявленные задачи женского движения, все-таки основной деятельностью женотделов в первой половине 1920-х гг. было просветительство. На повестку дня делегатских собраний городов выносились разнообразные вопросы, касающиеся практически всех сфер жизни: о происхождении человека и государства, о советской республике, о роли и значении профсоюзов, рабочей кооперации, о грядущей германской революции, о старой и новой семье и проституции, о перевыборе делегатов и пр.³

Изначально делегатские и общие собрания женщин были немногочисленными, женщины в массе своей избегали общественной работы. Однако с улучшением обстановки в стране и регионе делегатское движение разрасталось – к 1927 г. оно охватывало до 620 тыс. советских женщин.

Каждое делегатское собрание действовало в соответствии с программой, разработанной центральным отделом. Специальным положением срок работы собраний ограничивался годом (при условии ежегодных выборов делегатов), а количество собраний в месяц должно было быть не более 4. Все неграмотные делегатки обязаны были посещать школу ликбеза (таким образом реализовывался лозунг «Ни одной неграмотной женщины-делегатки!»), вести агитацию за подписку на журналы, быть раборками, освещать свою работу и жизнь своего предприятия и вообще быть примером для других работниц. Не реже одного раза в месяц каждая делегатка должна была делать доклад общему собранию работниц своего цеха или предприятия о проведенной ею общественной работе. Каждой делегатке выдавался билет, в котором делались отметки о ее работе. Делегатка, не посетившая трижды без уважительной причины делегатские собрания, переизбиралась. Для руководителей городских делегатских собраний существовал специальный указатель литературы. В нем содержались 20 тем, возможных для лекций и бесед, и соответствующий перечень источников информации. Помимо работ Ленина, материалов

¹ АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 5-6.

² АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 15.

³ АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 65, 175; Ф. п-6. Оп. 1. Д. 1099. Л. 12.

съездов партии и советов, в указателе значились «Спутник делегатки» (в двух частях), «Курс политграмоты», журнал «Коммунистка», газета «Труд», «Справочник партийного работника», «История партии» и др. К каждой теме в «Объяснительной записке к программе делегатских собраний» делались пояснения заведующего Губотделом работниц¹. После XIII съезда партии стал актуальным вопрос о вовлечении женщин в кооперативное движение. По отработанному механизму старт взяла кампания по вступлению женщин работниц и крестьянок в члены кооперативов.

Судить о занятости женщин и, соответственно, степени их «высвобождения» от семьи, можно на примере деятельности женотдела г. Енисейска в 1924-1925 гг. В городе действовали одно делегатское собрание и два райженорганизатора, координирующих его работу. Членами профсоюза являлись 255 женщин, 7 состояли членами месткомов, 3 были профуполномоченными, 2 – членами ревизионной комиссии. Из 41 батрачки (союз Рабземлеса) 5 были выбраны делегатками. В Енисейске действовала комиссия по охране материнства и младенчества (мат-млад), в состав которой входили врач, райженорганизатор и председатели горсовета и профсоюза². Круг вопросов делегатских собраний в Енисейске был типичным для таковых по всей стране. Усердие секретаря одного из таких собраний донесло до нас содержание отдельных выступлений, например, по вопросу «О значении делегатских собраний» райорганизатора Ивановой: «Неравноправное положение женщин при монархическом строе и при Колчаке. При советской власти в женском законодательстве произведен решительный переворот... Советская власть стремится добиться полного раскрепощения женщины от домашней кабалы. Научить женщин двигаться по тому пути, по которому двигается рабочий и крестьянин. Мы должны достичь, чтобы каждая кухарка умела управлять советской республикой. Женщина является винтиком в громадной машине нашего строительства. Дело общественного воспитания детей пролетариата может успешно продвигаться вперед только в том случае, если работница-мать будет сознательна, будет организована, будет принимать деятельное участие в общественной работе. Цель женотделов – поднять женщин до уровня мужчин, для чего необходимо: 1) ликбез среди женщин, 2) поднять квалификацию труда, 3) дать как можно больше работниц, которые смогли бы приносить пользу государству, 4) вытянуть домашнюю хозяйку из семьи и приобщить к общественной работе». Постановили: «Доклад принять к сведению и приступить к плодотворной и дружной работе». После этого состоялось общегородское собрание женщин, на котором была поставлена задача: привлечь больше женщин-обывателей, другими словами – «подтянуть отстающих от жизни»³.

В Енисейске, так же, как и в других уездных городах, осуществлялась работа и среди женщин – представителей национальных меньшинств. Среди татарок-мусульманок работал отдельный организатор, который выстраивал свою деятельность в соответствии с планом, составленным совместно с райженорганизатором, который, в свою очередь, отвечал за работу непосредственно перед секретарем райкома РКП(б). Вопросы, выносимые на собрания мусульманок, ничем не отличались от остальных женских собраний.

Первые шаги на пути превращения женщины в полноправного члена общества показали, что простого предоставления равных политических прав с мужчинами было недостаточно даже для пассивного участия значительного количества женщин в строительстве нового общества. Многочисленные протоколы совещаний Енуботдела по работе среди

¹ АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 15, 20; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 966. Л. 5-15.

² АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 397. Л. 2.

³ АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 387. Л. 4-5, 28.

работниц и крестьянок свидетельствуют о том, что не просто рядовые женщины, но даже и делегатки были недостаточно активны. По сводкам всех уездных райженорганизаторов, качественный состав делегатских собраний был «не совсем хорош». В целом, за редким исключением, работа женотделов признавалась слабой. Так, за первый квартал 1925 г. в Упросе Канска не удалось созвать ни одного собрания, так как женщины были слишком перегружены работой (ликбез, общественные мероприятия). Из 123 делегаток только 70 (60%) посещали кружки. Всего в Канском уезде было 45 делегатских пунктов и 700 делегаток, из них 289 (41%) неграмотных. Наряду с неграмотностью среди женщин вообще и женщин-делегаток в частности, другой проблемой делегатских собраний была их распыленность. Именно в этом виделась уездному парткому главная причина отсутствия кандидаток в партию. В силу этих обстоятельств Канский Уком РКП(б) «на летне-осенний период времени» был вынужден внести в свои планы корректировку, связанную с необходимостью усиления партработы¹.

Социальный и возрастной состав женских городских собраний можно рассмотреть на примере первой беспартийной конференции женщин г. Енисейска и его района, состоявшейся 27 февраля 1925 г. На конференции присутствовала 71 женщина. Самой большой возрастной группой – 54 чел. (76%) – были женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Социальный состав делегаток выглядел так: 2 батрачки, 23 крестьянки, 8 работниц, 24 служащих, 14 домохозяек. 68% делегаток относились к числу неграмотных или малограмотных².

С развитием женского движения расширились и его возможности. Помимо просветительской, женотделы взяли на себя контролирующие и правозащитные функции. Они защищали интересы женщин, помогали справляться с их повседневными бытовыми проблемами, разрешали конфликтные ситуации, возникающие на производстве. В 1924 г. были созданы Комиссии по изучению и улучшению женского труда, которые занимались вопросами охраны женского труда, профессиональной подготовки работниц, противостояли вытеснению женского труда с производства. В планы женотделов входила проверка работы профсоюзов, кооперации и советов по улучшению быта работниц. Женское движение набирало обороты. Во второй половине 1920-х гг. на выборных должностях находилось 6799 женщин-сибирячек³. Таким образом, женсоветы вышли за рамки той деятельности по трудовой и политической мобилизации женщин, которая изначально была обозначена партией. Такая сверхактивность женских организаций вызывала неприятие и раздражение со стороны государственных и партийных структур. В 1925 г. в отчетах о деятельности женотделов в Сибири, и в Енисейской губернии в частности, неоднократно звучала тема грубого отношения к делегаткам. Например, делегаткам, прикрепленным для практической работы к правлениям кооперации, давали клички «шпионов» или «контролеров».

Одним из основных условий активного участия женщины в общественной жизни являлось освобождение ее от домашней рутины, «домашнего рабства». Однако достичь этого, исходя из лозунгов партии начала 1920-х гг., можно было только при том условии, если бы государство возложило на свои плечи все бытовые проблемы женщины. Именно поэтому большие усилия женорганизаторов и делегаток были направлены на создание социальной инфраструктуры, позволяющей женщине высвободиться от домашних забот и направить свою энергию на социалистическое переустройство действительности. Основные заботы домашней хозяйки и матери по жизнеобеспечению семьи традиционно

¹ АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 966. Л. 110, 122об.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 1196. Л. 12, 29.

² АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 397. Л. 60.

³ АААКК. Ф. п-7. Оп. 1. Д. 1687. Л. 2.

были связаны с приготовлением пищи, содержанием в порядке дома и, конечно, воспитанием детей. Соответственно, в этих направлениях и происходило новаторство, смысл которого достаточно полно отражен в письме работницы, опубликованном в «Красноярском рабочем» в 1924 г. под заголовком «Первый враг кухни». Вот текст письма: «Выход из того, что женщина из-за горшков должна сидеть дома и не принимать никакого участия в общественной работе – организация общежития с общественной столовой, хлебопекарней, прачечной и починной и особого общежития (ясли, д/сады) для детей. Многие из нас не умеют воспитывать детей. А другие – изнервничались, ожесточились. И если ребенок подойдет к нам с каким-нибудь наболевшим вопросом, мы грубо обрываем его, вместо того, чтобы приласкать. Наши теперешние квартиры тесны и половину их занимает смрадная чадная кухня. А ведь наши дети учатся, занимаются в кружках. Ребенок поет ноты – отец ругается. Дети учат вслух уроки – мешают друг другу. Довольно разговоров, давайте за дело! Организуем коммунистическое товарищество. Для освобождения женщин от рабства кухни – великое дело» [1].

Для того чтобы «высвободить женщин от рабства кухни», повсеместно создавались артели прачек, кружки кройки и шитья, летние детские площадки, ясли, общественные столовые и пр. Как было организовано «народное» питание в советских столовых, сообщает в рукописи М.П. Миндаровский: «Горячее – суп или так называемые мясные щи, подавалось в таком виде, где «крупина за крупинкой бегала с дубиной», а для наваара, как однажды пришлось видеть мне, в тарелке обнаружен был какой-то сверток перевитый ниткой, оказалось, что это перевязка с большого пальца человеческой руки. На второе кушанье вручался посетителю с профсоюзным билетом или кусок говядины в полфунта весом, а то и просто пара селедочек» [3]. Безусловно, что при такой организации питания и прочих «благоустройств жизни», государство просто не могло составить конкуренцию женщине. Участие женщин в работе женотделов, делегатских и общих собраний и прочей общественной работе не привело к их отказу от женских дел по дому и воспитанию детей, а скорее увеличивало количество обязанностей женщины. Таким образом, вовлечение женщины в государственное и общественное управление еще больше усилило ответственность женщины за женскую работу, только теперь уже в масштабах социалистического государства.

Дух «высвобождения» порождал и стремление к более устроенному быту, к улучшению жилищных условий. А между тем городских жителей, в том числе и женщин, окружала необустроенная действительность городов и округи. «Красноярский рабочий» на своих страницах размещал корреспонденции с мест (Ачинск, 1924 г.) такого содержания: «Темень – хоть глаз выколи, а грязь – по колено, попал – не выберешься. Случаи нападения чуть ли не ежедневно, а милиции не видно» [2].

Активность женщин в общественном и государственном строительстве не могла не сказаться на семейных отношениях. Уже в июле 1923 г. Л. Троцкий в газете «Правда» заявил, что с женотделами связаны многие семейные кризисы: семья остается без внимания, что раздражает мужа, членов семьи и ведет к ее распаду. И если в дореволюционном прошлом развод супругов как явление был осуждаем обществом, то восприятие развода в советской действительности было поистине революционным. Нерасторжимый брак, по мнению лекторов, «просветляющих» женщин, являлся одной из наиболее прочных основ старого быта. «Увеличение числа разводов в известной степени может считаться показателем не только того, как быстро отмирают старые бытовые формы в семье, но и того, как быстро они отмирают вообще в нашей жизни» [4]. Именно таким образом оправдывалось увеличение в разы числа разводов в Енисейской губернии, и особенно в городах. В Минусинске за 10 месяцев 1920 г. состоялся 21 развод, а за 7 месяцев 1921 г. – 39 разводов, таким образом, количество разводов за короткий промежуток времени

увеличилось вдвое. Число разводов в Красноярске к 1927 г. по сравнению с 1923 г. увеличилось в 6 раз, в то время как в сельской местности только в 2 раза. В среднем в 1927 г. в Красноярске на 100 браков приходилось 527 разводов!¹

Инициатива в решении бытовых проблем, производственных вопросов, расширение контролируемых функций, приоритет проблем женщин особенно стали раздражать партийно-государственное руководство с того момента, когда был взят курс на ускоренную индустриализацию, отодвинувшую на второй план вопросы достойного человека быта. С развитием женского движения в стране было покончено в январе 1930 г., когда в ходе реорганизации партийного аппарата были упразднены женотделы. Таким образом, с началом 1930-х гг. решение проблем женщин государственной властью происходило при отсутствии контроля со стороны женского движения. «Огосударствление» женщины произошло, однако образ «новой» женщины не смог в конечном итоге вытеснить традиционные представления о ней как о матери, жене и хозяйке дома.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красноярский рабочий. 8.07.1924. №151.
2. Красноярский рабочий. 25.10.1924. №243.
3. Миндаровский М.П. Записки и воспоминания. Фонды МУК «Енисейский краеведческий музей».
4. Правда. 13.07.1923.

¹ АААКК. Ф. п-7. Оп. 1. Д. 367. Л. 77; Ф. р-137. Оп.1. Д. 37. Л. 10.